

DOI 10.31483/r-149785

Лаврентьев Максим Владимирович

Сулимин Александр Николаевич

Хасин Владимир Викторович

**САРАТОВСКИЙ ГАЛКИНСКИЙ УЧЕБНО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ
ПРИЮТ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В 1892 ГОДУ**

***Аннотация:** исследование посвящено деятельности Саратовского Галкинского учебно-исправительного приюта в 1892 году. Рассказывается об устройстве приюта, воспитании и обучении несовершеннолетних правонарушителей, сельскохозяйственных работах.*

***Ключевые слова:** Российская империя, Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют для несовершеннолетних правонарушителей, несовершеннолетние правонарушители, сельское хозяйство, ремесленное производство, наказание, пенитенциарная система, пенитенциарная педагогика.*

***Abstract:** the study is devoted to the activities of the Saratov Galkin Educational and Correctional orphanage in 1892. It tells about the establishment of a shelter, the upbringing and education of juvenile offenders, and agricultural work.*

***Keywords:** Russian Empire, Saratov Galkin Educational and Correctional shelter for juvenile offenders, juvenile offenders, agriculture, handicraft production, punishment, penitentiary system, penitentiary pedagogy.*

Дело борьбы с преступлениями малолетних и несовершеннолетних в Российской империи второй половины XIX – начало XX вв. было отдано в руки широкой общественности и частной благотворительности. Также были призваны помогать города и земства. Государство, к сожалению, приняло в этом участие гораздо позже. По закону от 5 декабря 1866 г. благотворительные общества могли открывать специализированные заведения для исправления несовершеннолетних правонарушителей и возвращения их в ряды законопослушных граждан. По всей стране стали возникать воспитательно-исправительные заведения:

Московский Рукавишниковский приют, Санкт-Петербургская земледельческая колония, Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют и другие.

Одним из первых основанных воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей стал Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют. Название Галкинский он получил в честь М.Н. Галкина-Враского, саратовского губернатора в 1871–1878 гг., который затем в 1879 г. стал руководителем Главного Тюремного управления Российской империи и руководил им вплоть до 1896 г.

Михаил Николаевич Галкин-Враской (1832–1916 гг.), выходец из старинного дворянского рода, личный друг императора Александра II, делал стремительную карьеру. В 1862–64 гг. Галкин-Враской и несколько других чиновников Министерства внутренних дел Российской империи посетили Западную Европу с научной командировкой. В стране началась тюремная реформа, чтобы проводить планомерное реформирование всей тюремной системы, системы каторги и ссылки, необходим был европейский опыт. Галкин-Враской посетил ряд стран и по итогам поездки написал книгу – «Материалы по изучению тюремного вопроса».

Галкин-Враской стал сначала, в 1868–70 гг., эстляндским губернатором, а затем был направлен в Саратов.

Приехав на место назначения, Михаил Николаевич начал организовывать новый приют для исправления несовершеннолетних правонарушителей. В 1873 г. он был открыт. Приют находился недалеко от Саратова, на север от него, практически на берегу Волги, в местности, называемой «Большой Гуселкой». Первоначально приюту был отведен участок земли, размером 20 десятин (22 га). Впоследствии учреждение получало новые участки земли, и колония постепенно увеличивалась в размерах. Приют функционировал до Февральской революции 1917 года.

Истории приюта касается довольно широкий круг литературы. Приведем лишь некоторых авторов: Е. Альбицкий и А. Ширген [1], Н.Я. Воскобойников [2], И.М. Диомидов [3], А.Ф. Кистяковский [4], большой материал содержится о

приюте в Трудах Первого съезда представителей русский исправительных заведений [6].

Наличный состав членов Саратовского Галкинского учебно-исправительного приюта в 1892 году был следующий: «от саратовского губернского земства, председатель саратовской губернской земской управы В.В. Безобразов, он же и председатель правления приюта; от саратовского губернского общества попечительного о тюрьмах комитета и от города саратова – М.И. Паули, он же и казначей правления приюта; от того же комитета А.О. Немировский, он же и секретарь правления приюта, от саратовского окружного суда В.И. Банцев, от братства св. креста И.Г. Бойчевский и М.Н. Безобразова» [5, с. 1].

На 1 января 1892 года «должность смотрителя оставалась вакантной и исправлял ее священник приюта Н.И. Горизонтов, а с 1-го апреля в исполнение обязанностей смотрителя вступил из воспитателей Рукавишниковского приюта С.С. Хлюстин. Воспитателями состояли: Н.В. Рогожин, И.И. Булаткин с 1891 года и И.И. Никольский с 1890 года, но в конце марта Никольский ушел и на его место поступил Д.Е. Яковлев, который пробыл 1 ½ месяца уволился по болезни, а на его место поступил А.С. Павловский, окончивший курс в вольской учительской семинарии и прослуживший уже около 10 лет в земских школах. К 1 июля уволился И.И. Булаткин и на его место вступил М. И. Комаров, окончивший курс в мариинском земледельческом училище. Женской семьей, как и прежде заведывала Е.С. Машкова с 1882 года. Врачом приюта состоял земский врач С. Х. Сапожников, безвозмездно навещавший еженедельно приютскую больницу» [5, с. 1–2].

Преподавателями ремесел были: «сапожного – Е.С. Шурыгин с 1881 года; столярного – А. С. Чанов с 1890 года; переплетного – Ф.И. Розденко с 1890 года; кузнечно-слесарного – Н.П. Рябухин с 1892 года» [5, с. 2].

В продолжении 1892 года в приюте перебивало: «воспитанников – 131, воспитанниц – 15 – всего 146. Из них: оставалось 1/1 92 г. воспитанников 86, воспитанниц 8; вновь поступило воспитанников 45, воспитанниц 7; вышло в течение 1892 г. воспитанников 48, воспитанниц 3; осталось на 1 / 1 93 г. воспитанников

83, воспитанниц – 12; отсюда видно, что приют как начал, так и закончил в отчетном году свою деятельность с переполненным комплектом» [5, с. 2].

По сословиям воспитанники распределялись следующим образом: «воспитанники: оставалось к 1-му января 1892 года – крестьян – 58, мещан – 20, солдатский детей – 3, цеховых – 2, питомцев воспитательного дома – 2, разночинцев – 1. Всего 86 детей; вновь поступило – крестьян – 37, мещан – 6, солдатских детей – 2, всего 45 детей; выбыло – крестьян – 39, мещан – 9, всего – 48 детей; осталось к 1-му января 1893 г. – крестьян – 56, мещан – 17, солдатских детей – 5, цеховых – 2, питомцев воспитательных домов – 2, разночинцев – 1. Всего детей – 83; Воспитанниц: оставалось к 1-му января 1892 г. – крестьян – 5, солдатских детей – 2, питомцев воспитательного дома – 1, всего – 8 детей; вновь поступило – крестьян – 3, мещан – 2, солдатских детей – 1, цеховых – 1, всего детей – 7; Выбыло – крестьян – 2, солдатских матерей – 1, всего детей – 3; Осталось к 1-му января 1893 г. – крестьян – 6, мещан – 2, солдатских матерей – 2, цеховых – 1, питомцев воспитательных домов – 1, всего детей – 12» [5, с. 3 – 3].

В процентном отношении воспитанники распределялись по сословиям: «крестьян – воспитанники – 72, 51%, воспитанницы – 33, 30%; мещан – 19, 84%; 13, 33%; солдатских детей – воспитанники – 3,81%, воспитанницы – 20,00%; цеховых – 1, 52%; воспитанницы – 6, 66%; питомцы воспитательных домов – воспитанники – 1, 52%, воспитанницы – 6, 66%; разночинцев – воспитанники – 0, 76%» [5, с. 3].

По месту рождения все воспитанники и воспитанницы распределялись следующим образом: «Саратовская губерния – воспитанников – 110. Воспитанниц – 14. Самарская – 5, Тамбовская – 7, Пензенская – 2, воспитанниц – 1, Вологодская – 1, Симбирская – 1, Рязанская – 1, Владимирская – 1, Земли войска донского – 1, Астраханской губернии – 2. Итого – 131, воспитанниц – 15» [5, с. 5 – 6].

По роду преступлений, совершенных воспитанниками приюта «наибольший процент 56, 48% как видно приходится на долю простой кражи имущества, затем следует кража денег 14, 50% и кража зернового хлеба, муки калача

и т. п. съестных продуктов, сюда же мы причислим и кражу со взломом пшеницы, надо заметить, что до 1891 г. с кражами этого рода приюту почти не приходилось считаться. Из значущих же оставшимся на 1 января 1892 года все 7 человек поступили в 1891 году, составляя 13, 20% всех поступивших. В 1892 же году процент значительно повышается, доходя до 15, 55% всем поступившим мальчикам. Увеличение этого рода преступлений является прямым следствием постигшего саратовскую губернию голода. Преступность девочек как видно далеко не отличается тем разнообразием; как мальчиков, исключительно почти обвиняются в простой краже мелких домашних вещей или в краже денег» [5, с. 10].

Род занятий родителей поступивших воспитанников приюта был такой: родители занимались «крестьянством – 15, ремеслами – 5, в прислугах – 8, нищенством – 2, поденных чернорабочих – 10, письмоводством в полиции – 1, кабатчик – 1, приказчик полевой – 1, неопределенных занятий – 2. Итого – 45. Воспитанницы: крестьянством – 2, ремеслами – 1, в услужении – 2, прачка – 1, неопределенное занятие – 1. Итого – 7» [5, с. 10].

Из приведенных данных видно, что наибольший процент для воспитанников мужского пола – 37, 73% падал на живших при родителях не имеющих определенных занятий. «Затем 20, 00% падает на детей, живших при родителях и занимавшихся крестьянскими работами. Эта часть новичков дает наибольший процент «случайных преступников». Сюда попадает или укравший десяток яблок у соседа, или стащивший несколько фунтов муки, яиц или еще какую-нибудь мелочь» [5, с. 10].

По грамотности поступившие воспитанники подразделялись на: «неграмотных воспитанников 25 – 55, 55%, воспитанниц – 4 – 57, 14%; малограмотных – 13 – 28, 88%, воспитанниц – 3 – 42, 85%; имеющих льготное свидетельство (т.е. грамотных – М.Л., А.С., В.Х.) – 7 – 15, 55%» [5, с. 10].

Деление воспитанников приюта оставалось тоже, что и прежде, на три семьи, причем каждая семья вручалась непосредственному заведыванию отдель-

ного воспитателя. «Всякий вновь поступающий воспитанник попадал в 2-ю семью откуда по выяснению его нравственных качеств и переводился в 1-ю лучшую, 3-ли худшую, или же наконец оставался во 2-й семье. Благодаря такому порядку 2 семья являлась наиболее населенной и комплект ее был определен в 40 человек, комплект 1 семьи равнялся 25 человек и 3 семьи – 15 человек» [5, с. 12].

Весь отчетный год воспитанники провели уже в новом здании, «благодаря чему возможно было установить более правильное ведение дела воспитания, а вместе с тем выяснить и некоторые недостатки помещения, вызванные спешностью постройки» [5, с. 12].

Сообразно нахождению в той или иной семье, воспитанники пользовались соответственными преимуществами, присвоенными их семьям.

Первая семья «располагает большей свободой, сравнительно с остальными; пользуется правом выхода в свободное время на пределы усадьбы без провожаемого; ежемесячным отпуском, правом писать письма за счет приюта не чаще двух раз в месяц; исключительно воспитанники 1 семьи назначаются к отправлению обязанностей псаломщика в церкви, посылаются в город по поручениям приюта с кем-либо из служащих, а иногда даже и одни. Только нахождение в 1 семье дает право на представления к сокращению срока содержания» [5, с. 2 – 13].

Вторая семья, «пользуясь правом отпуская лишь в 2 месяца раз, может отправлять письма не чаще 1 раза в месяц, выходит за пределы усадьбы только с разрешения воспитателя семьи (раньше же требовалось лишь разрешение дежурного воспитателя)» [5, с. 13].

Третья семья пользовалась «правом отпуска 2 раза в год, и правом отправлять письма за счет приюта не более раза в 3 месяца, выхода же за предел усадьбы с разрешения воспитателя семьи и под надзором дядьки» [5, с. 13].

Ради того, чтобы легче можно было «издали определить к какой семье принадлежит тот или иной воспитанник, что летом при раскиданности работ, зачастую бывает затруднительно, в отчетном году правление постановило ввести красные нашивки на рукавах для 1 семьи и черный для 3, оставив 2 семью без

нашивок, причем лучшим воспитанникам 1 семьи давалось две нашивки. Введенные знаки отличия имели моральное влияние на воспитанников» [5, с. 13].

Перевод из одной семьи в другую допускался в течении всего года по постановлению педагогического совета, который состоял «из смотрителя, священника, воспитателей и по мере надобности фельдшера приюта» [5, с. 13].

Непосредственный перевод из 1 в 3 семью и обратно не допускался: представленный к переводу в высшую семью должен был пробыть не менее 3 месяцев в низшей.

В качестве нарушений дисциплины воспитанниками большинство случаев были «кражи фруктов и овощей, яблок, арбузов, дынь и т. п.; кражи иного характера наблюдаются крайне редко, и могут стать в пропорцию 1 / 10 по отношению общего количества» [5, с. 16].

Также нарушений дисциплины было на 65 случаев больше, чем в предыдущем году. Это объяснялось «предъявлением более строгих требований к дисциплине, благодаря чему масса фактов, не являвшаяся ранее нарушением, при настоящих требованиях становились уже проступком против дисциплины» [5, с. 16].

Кроме того, в отчетном году «зарегистрированы два случая питья вина (имеется в виду водки. Вино было слишком дорогим. – М.Л., А.С., В.Х.), в первом виноваты 5 человек и во втором трое. В одном случае один из пивших принес вино, возвращаясь из отпуска и угощал товарищей, а в другом вино было получено путем кражи бутылки с вином, торчавшей из кармана заехавшего на приютский двор кучера одного из окрестных помещиков. Остальные проступки если и подвергались колебаниям, то слишком незначительным, чтобы на них останавливаться, за исключением побегов и покушений на побег, число каковых тоже уменьшилось, особенно же последних. В 1892 г. побегов было всего 24 и покушений 14» [5, с. 16].

Большое влияние на количество побегов и покушений на побеги имела «сви-репствовавшая в Саратовской губернии холера....серия побегов открывается с

июня месяца, так как майским побегам зарегистрированы скорее нарушение доверия выразившееся в том, что воспитанник будучи уволен в отпуск не вернулся из него в срок и был доставлен уже полицией, – в июне же первый побег 23 числа, следующий 26, затем 29 (на другой день после саратовского бунта) и 30 бежали уже двое. Естественно, что рассказы о бунте, дойдя до приюта, приняли чудовищную окраску и рисовали для маленьких бродяг крайне соблазнительные картины, представляя город разгромленным, так что и не одни питомцы исправительного приюта стремились бы собственными глазами взглянуть на эту картину разрушения» [5, с. 16 – 17].

По возвращении некоторых из бежавших воспитанников чистосердечно сознавались в руководивших ими мотивах. «Затем главное количество побегов приходится на июль месяц, в который холера в Саратове дошла до своего апогея. Естественно, что некоторые воспитанники, не получая сведений о родных, и не имея возможности проводить их установленным порядком, так как отлучки были прекращены, прибегали к путям уже не легальным. Так ,один воспитанник, не имея сведений о родных, бежал, но не застав уже в живых ни отца, ни брата, на другой день вернулся обратно» [5, с. 17].

Немалое значение имело также и то, «что в настоящем году в ограждение приюта от заноса эпидемии, администрация приюта не предпринимала непосредственного участия в розыске по городу бежавших воспитанников, предоставив это исключительно городской полиции, благодаря чему успех одного побега вызывал стремление к подобной же попытке со стороны других» [5, с. 17].

В большинстве случаев побег совершались под давлением тоски по дому, «по родным и предпринимаются большею частью новичками вскоре по поступлении в приют, причем бежавшие прямо направляются домой и скоро возвращались обратно добровольно или в сопровождении отца, или матери, или в сопровождении полиции, которой сам бежавший заявляет о своем проступке. Бывали примеры, что таких бегунов родные отпускали верст за 5–10 не доезжая приюта, или провожали лишь за черту города и они возвращались в приют уже одни» [5, с. 17].

Другой тип побегов уже совершался «под давлением страсти к бродяжничеству и воровской жизни; такие субъекты тотчас почти по доставлении в приют полицией, стремятся к совершению нового побега» [5, с. 17].

Характерные побег первого типа «был совершен в отчетном году вновь поступившим воспитанником Т-м, который предварительно совершил два неудавшихся покушения и при третьем удавшемся он рано утром, когда воспитанники собрались на молитву, выскользнул на приютский двор, сел на одну из стоявших у колоды лошадей и благодаря сильному туману, благополучно уехал на ней в Саратов, на окраине которого и была найдена лошадь поехавшими за ним верховыми. Смотритель приюта тотчас же предупредил его мать, которая в тот же день и представила в приют явившегося к ней мальчика» [5, с. 17–18].

Побег второго типа был совершен «воспитанником М-м, который в 1 1/2 годовой срок своего пребывания в приюте совершил 8 побегов, пробыв в приюте в сложности между побегами едва ли 3 – 4 месяца. В данном случае будучи возвращен из побега полицией, он был заключен в карцер, откуда и бежал ночью, сняв с петель оконную раму, при чем подговаривал к побегу воспитанника, сидевшего в соседнем с ним карцере» [5, с. 18].

Характерно между прочим и то, что беглецы первого типа большею частью предпринимали побег одни, тогда как второго типа обыкновенно подбирали одного или двух товарищей.

Как высшая награда, на лучших воспитанников приюта «возлагалось отправление обязанностей псаломщика и прислуживание во время богослужения, чем они крайне дорожат и с такой внимательностью и усердием относятся к исполнению возложенных на них обязанностей, что отсутствие псаломщика при церкви приюта проходит совершенно незаметным» [5, с. 18].

В целях развития религиозного чувства воспитанники обязательно посещали во все воскресные и праздничные дни, «а также в кануны этих дней, церковные богослужения, отправляемые в приютской церкви с большим благоле-

пием. Церковный хор состоял из воспитанников приюта при участии господ воспитателей и других служащих; некоторые же песнопения исполнялись общим хором молящихся» [5, с. 18].

С 1892 г. на левый клирос была поставлена «женская» семья, которая принимала в хоровом пении [5, с. 18].

Также из числа воспитанников, принадлежащих «расколу», «двое мальчиков с согласия родителей были обращены в православие местным священником» [5, с. 18].

Соблюдение среды, пятницы как постных дней и всех постов, «исполнение всех церковных обрядов, а также и поучения, делаемые священником приюта как перед литургией, так иногда и после оной со ступеней амвона не мало способствовали достижению означенной цели» [5, с. 19].

Нельзя обойти молчанием установленного в 1892 году обычая «обставлять возможно более торжественно момент, который завершает пребывания воспитанника в приюте: служение благодарственного и напутственного молебна в присутствии зрителя и всей семьи выходящего, с ее воспитателем во главе. Каждому выходящему выдается на память Св. Евангелие и икона Св. Михаила Черниговского (во имя коего создан приютский храм) с соответствующим случаем наставлением. Этим путем как бы закрепляется нравственная связь выходящего с приютом и уже последний раз напоминает ему перед расставанием, что ни один серьезный шаг в жизни не должен предприниматься им без молитвы и благословения божия» [5, с. 19].

В интересах нравственного развития, «помимо общего строя приютской жизни и того непосредственного воздействия, которое неминуемо проявляется при постоянном общении воспитываемых с воспитывающими, в чтениях или беседах, материалом которых может служить каждая данная минута приютской жизни, в воскресные и праздничные вечера воспитательным персоналом велись общие беседы при чем темами для них большею частью брались те или иные положения идеи о нравственности» [5, с. 19].

Главным двигателем умственного развития должна была являться школа, «занятия в которой, согласно программе народных училищ, ведутся тремя воспитателями, при чем каждому из них поручается ведение одной группы (или класса); обучение девочек, по постановлению правления, возложено на священника приюта, усердной помощницей которому была надзирательница приюта» [5, с. 19].

Функционируя исключительно лишь в зимнее время «наша школа к несчастью не может даже быть поставлена в строгие рамки по отношению к началу и концу учения, так как таковые стоят в безусловной зависимости от климатических условий весны и осени, в связи с которыми находятся начало и конец сельскохозяйственных работ, а следовательно конец и начало школьных занятий. Благодаря такому положению общее количество часов школьных занятий подвержено сильному колебанию и более или менее регулируется ежегодно лишь для учеников 3-й группы, которые перед экзаменом освобождаются от полевых работ и занимаются до начала мая» [5, с. 19 – 20].

В 1892 году в школе обучалось всего 76 воспитанников: «в 1-й группе – 30; во 2-й группе – 29; и в 3-й группе – 17» [5, с. 20].

Из 3-й группы двое «за окончанием срока содержания освобождены были от занятий еще до января 1892 года, а из остальных – 10 человек были представлены к экзамену и сдали его с правом на получение льготного свидетельства по отбыванию воинской повинности» [5, с. 20].

Уроки проводились по следующим предметам: Закон Божий, Чтение по русскому языку, Диктовка и другие виды письменных упражнений по правописанию, Арифметика, Чтение церковно-славянское, Каллиграфия [5, с. 20].

В целях же достижения большего умственного развития питомцев, «администрация старалась организовать и систематизировать ведение праздничных бесед и по общеобразовательным предметам, поделив его отраслями среди воспитательного персонала (смотритель приюта, три воспитателя и священник) и фельдшер приюта, который взял на себя популярное изложение элементарных требований гигиены тела и жилища» [5, с. 21].

Сделанные в этом направлении опыты смотрителя приюта, одним из воспитателей Г. Комаровым и фельдшером приюта «имели положительный успех и наглядно показали, насколько в детях велика потребность к приобретению знаний чисто практического характера, которые каждым из них могут быть в относительно непродолжительном времени применены в домашнем быту» [5, с. 21].

Немалое влияние могло бы оказать «на повышение умственного развития и правильно организованное самостоятельное внеклассное чтение воспитанников, но к несчастью более чем удовлетворительная библиотека погибла во время бывшего в 1890 году пожара и только к концу отчетного года при помощи книжного склада губернского земства удалось хотя бы отчасти пополнить утраченное и положить одновременно основание и педагогической библиотеки» [5, с. 21].

Признавая серьезное воспитательное значение, «также и за внешним строем жизни приюта администрация стремилась ввести возможно больший порядок и гармонию в своих требованиях по отношению к наружной дисциплине и точному проведению следующего установленного ею распределения дня» [5, с. 21].

Зимой воспитанники придерживались следующего распорядка дня: «с 6 часов утра вставание. С 6 часов 35 мин. утра умывание, уборка постелей, гимнастика (под гимнастикой следует разумеать несколько приемов шведской гимнастики, исполняемых под руководством дядек семей, набираемых из запасных унтер-офицеров и фельдфебелей. Гимнастика введена в приюте как ради того, чтобы воспитанники скорее расправили после сна свою мускулатуру, так равно и с целью дисциплинарной, ибо при этом воспитанники приучаются в выправке, стройному исполнению массовых движений, команд и сознательному и точному исполнению требований) и молитве» [5, с. 21].

С 6 часов 35 минут до 8 часов утра происходили работы по мастерским и по хозяйству.

С 8 до 9 утра был завтрак, «с 9 до 12 1/2 часов – школьные занятия с 2-мя перерывами по 10 минут, с 12 1/2 до 2 1/2 обед и рекреация (отдых – М.Л., В.Х.), с 2 1/2 до 4 1/2 часов работы по мастерским и хозяйству с 1 перерывом в 10 мин., с 4 1/2 до 5 полдник, с 5 до 6 часов приготовления уроков, а по средам общая

спевка под руководством 1-го из воспитателей, с 6 до 8 часов работы по мастерским и хозяйству с 1 перерывом в 10 минут, с 8 часов 20 минут ужин и молитва, починка и чистка платья, производимая самими воспитанниками под наблюдением дядьки и беседа воспитателя с семьей» [5, с. 22].

Летом распорядок дня для воспитанников менялся: «с 4 1/2 часа утра вставание, с 4 1/2 до 5 часов молитва и купанье заменявшее гимнастику (семьи идут строем под командой дядек и дежурного воспитателя), с 5 до 7 часов работы, с 7 до 8 часов завтрак, с 8 до 12 часов работы, с 12 до 3 часов обед и отдых, с 3 до 5 часов работы, с 5 до 5 1/2 часов полдник, с 5 1/2 до 8 часов работы, с 8 до 9 часов купанье, ужин и чистка платья» [5, с. 22].

В воскресные и праздничные дни воспитанники «встают в 7 часов и после умыванья и молитвы собираются в зале на беседу священника. В 9 часов обедня, в 10 1/2 часов чай, с 11 до 12 часов гимнастика и фронтовое ученье летом на дворе, – зимой в зале, с 1 до 4 часов игры и прогулка под наблюдением дядек и воспитателей в пределах усадьбы, с 4 до 4 1/2 часов полдник, с 5 до 7 часов зимой беседа воспитательного персонала – летом прогулка за черту приютских владений совершалась или полным составом приюта в сопровождении смотрителя и всех воспитателей, причем до места назначения воспитанники шли то строем под барабан или пение, то вольно или же по семьям в сопровождении лишь воспитателя и дядьки семьи, семья же воспитателя, оставшегося в приюте сопровождалась смотрителем» [5, с. 23–24].

Вообще надо установить тот факт, «что все подобные удовольствия, допускаемые прогулки крайне ценятся воспитанниками и не было за весь год случая совершения какого-либо серьезного проступка во время прогулки. Несмотря на то, что при обыкновенных воскресных прогулках зачастую останавливались и проходили около бахчей, но ни одного случая кражи арбуза или дыни не наблюдалось, тогда как те же ребята из приюта специально с этой целью ходили не раз» [5, с. 23–24].

Лишение прогулки являлось новым довольно чувствительным наказанием, «которое с успехом могли применять господа воспитатели. Лишь перед первой

прогулкой один крайне самолюбивый мальчик, будучи лишен смотрителем приюта права участвовать в этой прогулке за невежливость по отношению к воспитателю, принял наказание как бы довольно спокойно, хотя справедливость требует добавить, что более к нему такого наказания применять не пришлось уже ни разу. Случаи же, в которых лишение прогулки принималось как крайне чувствительное наказание, наблюдались довольно часто и бывало, что лишенный прогулки рыдал и просил прощения, умоляя наказать его чем угодно, но только не лишать прогулки» [5, с. 24].

В плане сельского хозяйства приют достиг значительных успехов. «В отчетном (1892 году) под посевом приюта была 71 десятина из них: 27 десятин озимого (ржи) дали зерна 1 146 пудов 21 фунтов; 17 десятин пшеницы – 505 пудов 21 фунт; 12 десятин овса – 269 пудов 35 фунт; 2 десятины гороха – 116 пудов 16 фунтов; 3 1/2 десятины проса – 269 пудов 26 фунтов; 4 десятины подсолнуха – 159 пудов; 2 десятины ячменя – 236 пудов; 3 1/2 десятины картофеля – до 1 000 пудов» [5, с. 24].

При полевых занятиях и уборке «хлебов» преследовались помимо чисто коммерческих интересов и учебно-воспитательные цели. «Воспитанники работали под неперменным руководством и присмотром людей опытных при последними или же лицами воспитательного персонала, в случае компетентности их в данном вопросе, на месте же давались объяснения того или иного приема и преимущества его перед другим, а также разъяснялись конструкция и значение машин, которые пускались в работу. Все работы в поле исключительно почти были произведены трудом воспитанников, наемный же труд был допущен лишь в самых скромных размерах – весною при заделке посева (за недостатком собственного скота), а осенью при снятии хлеба, что при необходимости взять дружно, разом в возможно короткий промежуток, было не по силам приютским работникам» [5, с. 24–25].

Таким образом, оценивая труд воспитанников приюта «по местным рыночным ценам, мы получим, что за отчетный год воспитанниками приюта одних

лишь полевых, садовых и хозяйственных работ исполнено на сумму в 1724 рублей 27 копеек» [5, с. 25].

Можно сделать некоторые выводы. Во-первых, Саратовский приют был одним из первых в череде воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи. Во-вторых, он был относительно финансово благополучен, средства для его функционала имелись. В-третьих, учебно-воспитательная работа с воспитанниками приюта (иногда имевшими серьезный криминальный опыт, несмотря на возраст) была поставлена на должном уровне и проводилась неуклонно. Администрация приюта и воспитательный персонал все делали для того, чтобы воспитанники выходили в жизнь законопослушными и становились гражданами своей страны.

Список литературы

1. Альбицкий Е. Исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и детей, заброшенных в связи с законодательством о принудительном воспитании / Е. Альбицкий, А. Ширген. – Саратов, 1893.
2. Воскобойников Н.Я. О приютах для несовершеннолетних преступников в связи с кратким историческим очерком мест заключения вообще / Н.Я. Воскобойников. – Саратов, 1873.
3. Диомидов И.М. Саратовский галкинский учебно-исправительный приют / И.М. Диомидов // Журнал министерства юстиции. – 1916. – №3.
4. Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обозрением русских учреждений / А.Ф. Кистяковский. – Киев, 1878.
5. Отчет о состоянии саратовского галкинского учебно-исправительного приюта за 1892 год. – Саратов, 1893.
6. Труды Высочайше разрешенного Первого Съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. – М.: Типография А.И. Мамонтова и К, 1882.

Лаврентьев Максим Владимирович – канд. юрид. наук, преподаватель, ЧПОУ «Московский городской открытый колледж», Москва, Россия.

Сулимин Александр Николаевич – канд. полит. наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Саратов, Россия.

Хасин Владимир Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия.
